

Сибилла Шварц

Стихотворения

Перевод с немецкого Полины Кондратенко

Сибилла Шварц (Sibylla/Sibylle Schwarz, 1621–1638) немецкая поэтесса эпохи барокко. Дочь бургомистра города Грейфсвальд (Германия, Мекленбург-Передняя Померания).

От переводчиц :

Поэзия Сибиллы Шварц привлекает внимание трогательной искренностью, воздушным равновесием между барочной эмблематичностью и осязаемой конкретикой. Детали личной жизни (имена милых сердцу подруг, некоторые бытовые подробности) звучат наравне с отголосками событий Тридцатилетней войны, ни начала ни окончания которой Сибилла не застала. «Сафо Померании», как её называли современники, скоропостижно ушла из жизни: ей не было и восемнадцати лет. Её стихотворения увидели свет посмертно: в 1650 году учитель Сибиллы Самюэль Герлах подготовил к изданию два тома „Deutsche Poëtische Gedichte“.

* * *

Ах, мнишь меня покинуть,
о Глте, друг мой?
И скрывшись с глз долой,
любовь мою отринуть?

Нет, я готов сгинуть,
к тебе припав душой.
Под Фебовой пятой
тк снег стремится схлынуть.

Ты свет сердечный мой,
отрди покой.
Ах, мило мне без меры

То, что гнетёт тебя,
и тем печельня –
жизнь ветреной Венеры.

Ночная жалоба на отъезд её любезных друзей, свершившийся сверх всякого чаяния

Прощается с землёй великое светило,
уж к морю бег коней усталых устремило.
Окно затворено, Морфей уже в пути.
Готово всё ко сну со вздохом отойти.
Явились сонмы звёзд, с небес сияют златом,
играет серебро на лунном лбу покатом.
Спешат овечки в хлев, постичь – на покой.
Недвижно всё. Цветы поникли головой.
Отходит мир ко сну, окутан сном чудесным,
Одна лишь я брожу под пологом древесным,
Ведь всюду и везде – дочь сумерек, роса
Блестит на стеблях трав, и с ней – моя слеза.
Здесь песнь напечатаю, песнь скорби и кручины,
и горю своему поведаю причины.

Марс, о Марс, кто ты таков?
Что за силы порешили,
чтобы мы тебе служили,
злейшему из всех богов?

Думал остаться я
среди друзей моих любезных
коротать часы в совместных
играх. Кто же звёл тебя?

Грозно в град ты наш вошёл,
так что те, кто сердцу милы,
убегают что есть силы.
О, вдвойне твой грех тяжёл!

Что же делается? Как узнать?
Где же милые подруги,
с кем делил я досуги?
Где смогу их увидать?

Крик и ропот науглу:
вот и Клорис в экипе же.

Г л те мне вскоре ск жет
что он уже в тылу.

Кто з п спортом бежит,
кто спешит и грузит судно.
Слёзы пролив ют скудно:
грусть ничем не удружит.

Я себе чужой к жусь,
«В добрый ч с, друзья!», жел ю,
мысленно в с провож ю –
поневоле ост юсь.

Вот деяния войны!
Феб то ввысь, то вниз несётся.
Вряд ли Г л те вернётся,
пусть спокойно видит сны.

Н пис ть ещё бы ряд,
только руки охл дели:
пишут строки еле-еле.
Спи спокойно, милый гр д.

Три сонета

I.

Коль огонь – любовь, коль ей к лят мет ллы,
во мне любовной боли полымя.
А в сердце милой что? Не зн ю я.
С железным сердцем кто не совл д л бы?

Будь золотым оно, мет лл бы гнулся
в огне моём. Телесное оно?
Что ж, если т к: телесным в луном
оно легло, но я не обм нулся.

Коль хл дно сердце, словно снег иль лёд,
то отчего меня брос ет в пот?
Мне мнится: сердце милой – лист л вровый,

Которому не страшен дождь и гром.
Он, он смеётся, Купидон,
твоей стреле, твоей грозе суровой.

II.

Любовь слеп – и всё же видеть может.
Впотымах ступает, з собою ведя.
Себя большой зовёт, с м – дитя.
И твёрдый шаг идти ей не поможет.

Но это нужно понимать иначе.
Кто любит, тот иным умом умён,
И взор любви сердечный помутнён:
что с ней стряслось, не р зберёт тем пче.

Всё, что ей мило, порчи лишено,
хоть было бы и порченным оно.
Всё для неё – прекрасное творенье.

Но так как мир изъян ми пестрит,
я рсужу: любовь вслепую зрит.
С м слеп, другим д рует зренье.

III.

Пнтеном првит стрсть:
трудности искореняет
и сердц соединяет
ясным взглядом светлых глз.

Дже Феб извед л бед.
В нём взыгло ретивое.
Не нйдёт себе покоя,
глубоко стрелой здет.

С м Юпитер безоружен,
Геркулес с ржён, послушен
слдкой горечи любви.

К к же сможем мы в юдоли
смертных от подобной боли
уберечь сердц свои?

Из похвалы ночной музыке

О музыке ск жу, что сердце преполняет
и сл достью своей всё естество пленяет.
Когд иное дух людской не веселит,
тогд он подч с любого ободрит;

и тот, кто пребыв л в печ ли безутешной,
с музыкой вскоре тот пред стся безмятежной
весёлости – и вот уже т нцует он,
к к будто к небес м высоким устремлён.

Подобное и я порой пережив л .
Т к, д веч меня гусёнок*, одеял
н пр сно тщились в ночь в постели удерж ть,
ведь в полночь колесом весь дом ходил, вид ть.

Ск к ли стулья вверх и вниз пред с мым взором,
ск мейки и столы неслись в движеньи скором.
Музы к ночью той столь сдел л сь сильн ,
что ровно в полночь я восст л ото сн ,

и то, что прежде мне к з лось небылицей,
что про Орфея я прочл лишь н стр нице,
всецело ст ло то н пр вду походить... etc.

*Чтобы согреться в то время, в постель могли бр ть животных. Гусёнок не исключение.

Примечание:

Полин Игоревн Кондр тенко, поэт, переводчик, лингвист, препод в -
тель С нкт-Петербургского госуд рственного университет . Родил сь
в 1996 году в г. С нкт-Петербурге, живёт в г. Г тчине.